

Терещенко Д.С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 109–130.

УДК 340.115:343.211

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109

Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления

Дмитрий Семёнович Терещенко

независимый исследователь

г. Москва, Россия

E-mail: terdisem@mail.ru

*Поступила в редакцию 22.06.2021, поступила после рецензирования 13.09.2021,
принята к публикации 11.10.2021*

Современное российское законодательство не содержит четкого определения понятия «юридическая ответственность». Это приводит к неоднозначному пониманию данного понятия либо к неоправданному расширению его толкования за счет необоснованного объединения с близкими социально-правовыми понятиями, в результате чего возникают разночтения в правоприменительной практике. В статье рассмотрены недостатки концепции единой юридической ответственности, обоснована невозможность объединения позитивной и негативной ответственности. Помимо общенаучных методов, автором предложен более широкий теоретический подход к пониманию феномена ответственности. Во-первых, ответственность рассматривается в виде функциональной характеристики взаимодействия элементов, формирующих ее смысловое содержание. Во-вторых, понятие юридической ответственности исследуется с позиций мерности, то есть способности иметь несколько

© Терещенко Д.С., 2022

значений (измерений) в зависимости от количества выделяемых ключевых слов, которые входят в его определение. На примере уголовной ответственности юридическая ответственность рассматривается как мера ответственности и как соотношение между наказанием и преступлением, которые выступают в качестве фиксированного деяния (факта) либо совершенного действия. На базе проведенного структурного исследования сформулировано авторское определение, которое позволяет объединить значительное число существующих точек зрения в единый принцип (правило) юридической ответственности. Понятие юридической ответственности впервые рассматривается как логико-математическая модель, позволяющая истолковывать правовое понятие на основе положений дифференциального исчисления. С практической точки зрения применение расширенных методологических подходов должно послужить упорядочиванию различных мнений и точек зрения и формированию единого понимания юридической ответственности. В условиях широкой цифровизации права предлагаемая методика позволяет создавать формализованные структуры производных понятий, используемых в различных отраслях права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, проблемы теории права, уголовная ответственность, концепция позитивной и негативной ответственности, формализация права, определение ответственности, мерность понятия, категория взаимодействия, мера ответственности, производные характеристики действия, проблемы методологии права, способность, возможность, обязанность

Legal Responsibility: Problems of Rethinking the Traditional View

Dmitry S. Tereshchenko

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: terdisem@mail.ru

Received 22.06.2021, revised 13.09.2021, accepted 11.10.2021

Abstract. Modern legislation does not contain a clear definition of the concept of “legal liability”. This is due to the presence of many author’s points of view and opinions, where the definitions differ in meaning, and also have a wide range of embedded meanings. This situation leads to an ambiguous understanding or to an unjustified expansion of the interpretation due to the unjustified association of legal responsibility with other similar social and legal concepts and phenomena. As a result, there are discrepancies in law enforcement practice. The article considers the shortcomings of the concept of a single legal liability, justifies the impossibility of combining positive and negative liability. Due to the fact that the legal literature has repeatedly concluded that it is necessary to conduct additional theoretical research to solve this problem, the author made an attempt to rethink the traditional view in this matter. In addition to general scientific methods of cognition, broader theoretical approaches to understanding the phenomenon of responsibility are proposed. First, responsibility is considered as a functional characteristic of the interaction of the elements that form its semantic content. Secondly, the concept is studied from the standpoint of dimensionality, i.e., from the point of view of the ability of a concept to have multiple values (dimensions), depending on the number of selected keywords that are included in the definition of the concept. Thus, the definition of legal responsibility,

on the example of criminal responsibility, is considered at two levels of abstraction: at the first level as a measure of responsibility; at the second—as the relationship between punishment and crime, which act as a fixed act (fact) or committed action. Based on the conducted structural research, the author's definition is formulated, which allows combining the main number of existing points of view and opinions on the definition of liability into a single principle (rule) of legal liability. For the first time, the concept of legal responsibility is considered as a logical and mathematical model that allows interpreting the legal concept based on the provisions of differential calculus. From a practical point of view, the use of extended methodological approaches should serve to organize various opinions into a single semantic understanding of legal responsibility. In the context of the widespread digitalization of law, the proposed methodology allows creating formalized structures of derived concepts used in various branches of law.

Keywords: legal responsibility; problems of the theory of law; criminal responsibility; the concept of positive and negative responsibility; formalization of law; definition of responsibility; dimension of the concept; category of interaction; measure of responsibility; derived characteristics of action; problems of the methodology of law; ability; opportunity; duty

For citation: Tereshchenko D.S. Legal Responsibility: Problems of Rethinking the Traditional View, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 109-130. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109.

Введение. Правовой институт юридической ответственности является одним из важнейших механизмов правового регулирования общественных отношений. Под сущностью юридической ответственности понимается характеристика ограничительных мер в виде потенциальной угрозы возможного наказания, что, в свою очередь, предполагает формирование законопослушного поведения со стороны субъекта правоотношений. Изучению и познанию данного правового явления постоянно уделяется внимание как теоретиками права, так и исследователями в различных отраслях права, о чем свидетельствует значительный объем юридической литературы по данной тематике. Юридическая ответственность неоднократно становилась темой монографий и исследований у соискателей ученых степеней при подготовке докторских и кандидатских диссертаций.

Практически в любом современном учебнике по теории государства и права глава или раздел отводится раскрытию понятия юридической ответственности с точки зрения автора либо авторского коллектива. При этом подходы к его пониманию существенно разнятся между собой.

Так, например, М.Н. Марченко определяет юридическую ответственность как применение к лицам, совершившим правонарушение, предусмотренных законом мер принуждения в установленном для этого процессуальном порядке (Марченко 2011: 320). По мнению А.В. Мелехина, под юридической ответственностью следует понимать обязанность правонарушителя нести наказание, претерпевать санкции, предусмотренные правовыми нормами и применяемые компетентными органами за совершение им противоправного деяния (Мелехин 2007: 407). В вышедшем под редакцией В.В. Лазарева учебнике «Общая теория права и государства»

юридическая ответственность определяется как обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом за совершенное правонарушение (Лазарев 2001: 425). Аналогичную позицию занимал С.С. Алексеев, который утверждал, что юридическая ответственность – это обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение; применение к виновному лицу мер государственно-принудительного воздействия – санкций преимущественно штрафного характера (Алексеев 2008: 201). Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что юридическую ответственность можно кратко определить как необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия; или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ (Матузов, Малько 2004: 215). А.Б. Венгеров утверждает, что «юридическая ответственность – одна из форм государственного принуждения, обеспечивающего правовую систему общества» (Венгеров 2013: 542). И это далеко не полный перечень точек зрения.

Попытки теоретического исследования указанного правового феномена в целях поиска нового определения юридической ответственности приводят либо к неоправданному упрощению, либо, наоборот, к чрезмерному усложнению дефиниции, к введению дополнительных терминов (принципов, критериев, признаков и т.п.), утяжеляющих понимание его сущности. Н.Н. Черногор писал: «Едва ли можно сказать, что за последние 10–15 лет отечественная правовая наука продвинулась в разработке теоретических проблем юридической ответственности» (Черногор 2006: 105). Прошло еще пятнадцать лет, но этот вопрос по-прежнему остается актуальным, в связи с чем требуется переосмысление сложившихся представлений о юридической ответственности на основе иных подходов и методов познания.

Отсутствие на сегодняшний день единого, однозначного, четко сформулированного определения того, что именно следует понимать под юридической ответственностью, обусловлено наличием множества различных мнений и позиций в данном вопросе, а также рядом нерешенных проблем теоретико-методологического плана, связанных с правовым истолкованием указанного понятия (Витрук 2020; Кузьмин 2015; Куликов 2016).

Во многом такое положение является отголоском широкой дискуссии, которая проводилась в юридическом сообществе в 60–70 гг. прошлого столетия (С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, В.А. Тархов, И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин, Р.О. Халфина и др.). Достижением обсуждения полувековой давности стало возникновение и становление концепции единой юридической ответственности, состоящей из позитивной и негативной (проспективной и ретроспективной) ответственности, как отражение двух разновидностей социального поведения человека.

С одной стороны, цель формирования такой концепции заключалась в выработке единого понимания юридической ответственности, где наряду с негативной реакцией государства в форме наказания за совершенное

правонарушение существовала бы правовая позитивная ответственность в форме осознания долга, состоящей в обязанности совершать правомерные действия. Идея видового разделения юридической ответственности на части сама по себе не нова. Например, русский философ и правовед И.А. Ильин делил ответственность на предварительную и последующую (Ильин 1957: 20). В.М. Горшенев предлагал альтернативную версию единой концепции: «Когда речь идет об установлении какой-либо ответственности, то имеется в виду общая предпосылка, и ее можно условно обозначить как *статутная* ответственность. При наличии конкретного правонарушения конкретное лицо привлекается к ответственности, которую можно обозначить как *субъективная* ответственность» (Горшенев 1972: 106).

С другой стороны, во второй половине XX в. необходимость формирования объединенной доктрины юридической ответственности во многом была обусловлена идеологическими установками, связанными с проводимой КПСС политикой, направленной на построение социалистического, а затем коммунистического общества. Коммунистический лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям» предполагал воспитание советского человека как добросовестной и ответственной личности, позитивно настроенной на созидательный труд, высокую творческую инициативу и самоотдачу. Этому положению требовалось соответствующее теоретико-правовое обоснование. Однако в настоящее время этот аспект исследователями права опускается и тема преподносится как последовательное научное развитие института юридической ответственности в рамках теории государства и права.

Проблемы формирования единой концепции юридической ответственности. Рассматривая целостность разработанной концепции, нельзя не отметить отдельные ее недостатки. Так, позитивная юридическая ответственность характеризует положительное отношение к ожидаемому правомерному поведению субъекта права, то есть речь идет о позитивных действиях в будущем, а негативная юридическая ответственность в данной концепции выступает как результат за уже совершенное правонарушение, то есть за произошедшее в прошлом противозаконное деяние (действие или бездействие). При этом неясно, куда отнести юридическую ответственность как разновидность характеристики в случаях правомерного поведения в прошлом и неправомерного поведения в будущем. В итоге можно прийти к выводу о том, что одновременное деление нынешней концепции юридической ответственности в системе координат «прошлое – будущее» и «позитивное – негативное» не охватывает все варианты возможных видов юридической ответственности (рис. 1).

Подобная поляризация понятий не всегда по своей сути делит совершенные и планируемые действия на негативные и позитивные. Так, если все произошедшие противоправные действия считать негативными, тогда как быть, если нарушение установленного правопорядка в конечном итоге приводит к позитивным последствиям? Например, применение лицом, без достаточных на то полномочий, физического насилия при задержании

Рис. 1. Юридическая ответственность в системе координат «прошлое – будущее», «позитивное – негативное»

лица, совершающего преступление, или нарушение правил дорожного движения во избежание ДТП с тяжкими последствиями.

Кроме этого, отдельными исследователями отмечается, что в понятие юридической ответственности входит такое свойство, как «принудительность», а в случае позитивной ответственности «принудительность» отсутствует, и на основании этого делается вывод о невозможности рассуждений о юридической ответственности с позитивной точки зрения.

Идею двуединого понятия юридической ответственности не разделял известный правовед О.Е. Кутафин: «Что же касается понятия “позитивной ответственности”, то от него, думается, следовало бы отказаться, поскольку его использование приводит к тому, что одно и то же явление именуется и обязанностью, и ответственностью, а также к размыванию предназначения ответственности как одного из эффективных регуляторов поведения» (Кутафин 2001: 400).

В.В. Сорокин, исследуя юридическую природу понятия «позитивная ответственность», также приходит к выводу о том, что проблему позитивной юридической ответственности пора закрыть как теоретически и практически несостоятельную (Сорокин 2021: 272).

Существует еще ряд моментов, которые свидетельствуют о невозможности синтезировать в единое понятие две разновидности ответственности.

В первую очередь это относится к ответу на главный вопрос: что является юридической ответственностью? Спектр предлагаемых вариантов ответа путем формулирования осуществляемых юридической ответственностью функций (процессов, действий), или перечисления присущих ей признаков (критериев), или отнесения понятия «юридическая ответственность» к какой-либо из общефилософских категорий довольно обширен.

Каждая точка зрения имеет под собой достаточные основания и право на существование, так как выражает определенно-конкретное и самостоятельное понимание феномена юридической ответственности. Между тем многообразие представленных позиций привело к тому, что целый ряд исследований правоведов посвящен только вопросам классификации подходов к пониманию юридической ответственности, а правовая позиция автора сводится к принятию той или иной из уже высказанных точек зрения (см.: Калугина 2011; Репетева 2010; Степнова 2019; Ячменев 2012). Несмотря на детальный анализ и очевидную пользу таких работ в плане систематизации дефиниций, какой-либо серьезной научной новизны они не несут. Высказывание собственной позиции либо особого взгляда встречается нечасто (см.: Кузьмин 2013; Лобанов 2015). В итоге приходится констатировать, что имеющееся разнообразие трактовок не приблизило юридическую науку к единому, однозначно понимаемому определению юридической ответственности.

Сравнивая негативную и позитивную ответственность, необходимо отметить, что негативная юридическая ответственность представляет собой процессуальную возможность привлечения ответчика к наказанию и (или) применения к нему мер принуждения в соответствии с установленным государством правопорядком. Тогда как позитивная (проспективная) ответственность характеризует самостоятельно принятые субъектом права по своему убеждению обязательства, возникающие в соответствии с индивидуальными морально-нравственными принципами, с учетом его культурного и образовательного уровня, а также исходя из разделяемых им социальных, философских и психологических позиций. Профессор Н.М. Аль-Ани определяет ответственность «как способность человека избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с обязательным учетом им всех возможных последствий своего воздействия, а стало быть, и с безусловной его готовностью (обязанностью) отвечать за эти последствия» (Аль-Ани 2014: 185). Итак, в первом случае ответственность выступает характеристикой нормативных правил поведения в обществе, которые вменяются субъекту права для исполнения и нарушение которых влечет применение к субъекту права мер государственного принуждения. Во втором – ответственность характеризуется настроенными внутри человека принципами и правилами индивидуального поведения, его готовностью к осознаваемым и самоотверженным действиям вплоть до самопожертвования.

Кроме того, следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в одном случае мы имеем дело с возможностью, предоставленной государством и осуществляемой уполномоченными государственными органами, а в другом – с личной способностью человека. К нашему сожалению, в современной юридической литературе слова *возможность* и *способность* зачастую употребляются как тождественные или близкие по значению. Во многом это обусловлено тем, что толковые словари русского языка, определяя значение этих слов, как правило, особого разграничения между ними не делают.

Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова трактуют слово *возможность* как производное от слова *возможный* («такой, который может произойти, мыслимый, осуществимый, допустимый») и как «средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999: 92), слово *способность* в первом значении они определяют как природную одаренность, талантливость, то есть как некую личную характеристику человека, а во втором значении – как «умение, а также возможность производить какие-нибудь действия» (Ожегов, Шведова 1999: 757). Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой при истолковании слов *способность* и *возможность*, допускает их взаимозаменяемость. Так, слово *возможность* определено в словаре как «допустимость, осуществимость чего-либо (обычно при наличии каких-либо условий). Способность чего-либо возникнуть и существовать при определенных условиях, стать действительностью (в философии)»¹, а слово *способность* истолковано как «природное дарование, склонность к усвоению чего-либо, к занятиям чем-либо. Возможность, умение что-либо делать. Состояние, качество, свойство, дающее возможность производить те или иные действия, исполнять ту или иную работу»².

Из приведенных словарных определений можно заключить, что лексическое значение слова *возможность* детерминировано обстоятельствами и условиями внешних воздействий и ограничений, а слово *способность* в большей степени относится к внутренней функциональной характеристике человека.

На наш взгляд, возможность должна истолковываться как потенциал, определяемый (предоставляемый) внешними силами (обстоятельствами, условиями, правилами), находящимися за пределами условного «Я». Способность же представляет собой потенциал внутренних сил (врожденных и приобретенных особенностей, волевых качеств), принадлежащих личности, зависящий от осознания своего собственного «Я» в обществе (социуме). Иными словами, возможность – это характеристика того, что можно, разрешено, дозволено и установлено извне, а способность – это характеристика того, что присуще субъекту изнутри.

Таким образом, применительно к определению юридической ответственности объединять в единое целое возможность, нормативно установленную государством, и способность, которая присуща человеку, представляется не вполне корректным и оправданным. Основными причинами такого объединения являются проблемы терминологического свойства, а также игнорирование отличий в природе происхождения, формировании и целевом назначении видов (типов) ответственности.

Множественность трактовок и многомерность понятия «ответственность». Анализ сведений из энциклопедий, толковых словарей, мо-

¹ URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

² URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

нографических исследований и юридической периодики показывает, что термин «ответственность» в юриспруденции в зависимости от контекста может иметь не менее десятка различных смысловых значений. При этом множественность трактовок в совокупности не исследовалась, общность и взаимосвязи между ними не устанавливались. Противопоставлялись отдельные точки зрения, и внимание акцентировалось на выявленных отличиях, а не на сходных моментах. Между тем многообразные трактовки ассоциативно связаны между собой, поскольку являются отражением лексической полисемии слова «ответственность».

Игнорирование исследователями и теоретиками права полисемии слова «ответственность» существенно влияет на теоретико-правовую разработку понятия ответственности и понимание его смыслового значения в нормативно-правовых актах, что в итоге приводит не только к многообразию точек зрения в рамках правовой науки, но и к неопределенности в ходе правоприменительной практики.

Другая проблема истолкования ответственности заключается в том, что попытки сформулировать определение осуществляются в аспектном плане (аспект – от *лат. aspectus* – вид, облик, взгляд, точка зрения). Как правило, такая формулировка представляет собой индивидуальную обособленную точку зрения исследователя на основе его познаний и убежденности, личного авторитета и профессионального опыта в различных отраслях права либо в научных дисциплинах и сферах деятельности. При этом субъективное понимание формулируемого определения дает возможность описывать только ту сторону или ту грань правового феномена, которая исследователю известней и ближе. Указанное обстоятельство зачастую не позволяет формулируемому определению быть достаточно полным и точным. К примеру, судить о трехмерности объекта, находясь на удалении от него и имея перед собой лишь его двухмерное (плоскостное) изображение, довольно непросто¹. Решение проблемных вопросов видится в признании многомерности понятия юридической ответственности и комплексном изучении взаимосвязей между элементами структуры его определения.

Известные ученые-правоведы неоднократно говорили о необходимости использования, наряду с традиционными, иных методов познания, в том числе методов математического моделирования социально-правовых явлений. Так, по мнению И.М. Мацкевича, в настоящее время «в теоретической юриспруденции наблюдается определенный... методологический кризис, сводящийся к тому, что современные исследования практически не обогащают методологию юридической науки новыми подходами, а имеющиеся являются вариациями, причем далеко не всегда удачными,

¹ В разговорной речи и деловом обороте иногда встречаются исключения, которые в силу традиционности восприятия отторжения у нас не вызывают. Так, говоря о размере недвижимого имущества (здания, помещения), которое представляет собой трехмерный объект, мы в первую очередь указываем его площадь, являющуюся двухмерной характеристикой. Аналогичная ситуация прослеживается с характеристикой дисплея или экрана – двухмерность параметров заменяется одномерным размером диагонали.

уже известных точек зрения» (Мацкевич 2019: 6). В качестве примера нового подхода И.М. Мацкевич предложил пространственную (трехмерную) модель уголовного закона, которая обладает большей предпочтительностью по сравнению с линейным (одномерным) и плоскостным (двухмерным) вариантами.

На наш взгляд, родовыми (ключевыми) определениями юридической ответственности выступают понятия мерности восприятия объекта и философская категория взаимодействия.

Под мерностью следует понимать способность познаваемого понятия иметь одну или более мер, что позволяет формулировать различные дефиниции в зависимости от уровня восприятия (абстракции) или необходимости установления достаточной либо приемлемой точности. В настоящее время понятие мерности еще не получило достаточно широкого распространения в правовой науке. Чаще всего слово *мерность* употребляется как синоним к слову *мера*. При этом нельзя не подчеркнуть, что мера и мерность не являются, как это зачастую считается, тождественными или синонимичными понятиями. Мерность – ступенчатость перехода от простого к более сложному, тогда как мера обозначает переход количества в качество. Мерность выступает производным (деривационным) параметром функционирования объекта или той роли, которую он исполняет. Одновременно с этим следует отметить, что дивергентное мышление несвойственно методологии познания сущности при истолковании правовых понятий или норм права. Суть толкования правового понятия предполагает стремление исследователя к поиску простого и однозначно воспринимаемого определения.

Взаимодействие позволяет познавать свойства объекта с позиции взаимозависимых отношений между его компонентами. Взаимодействие представляет собой вид непосредственной или опосредованной, внешней или внутренней связи, означающий обоюдное проникновение сущности одного из компонентов в другой, порождающее новое качество либо новое знание более высокого порядка. «Большая советская энциклопедия» устанавливает, что взаимодействие отражает «процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого» (Спиркин 1971: 7-8).

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим многоуровневый характер юридической ответственности на примере уголовной ответственности. Используемая нами методика (при замене соответствующей терминологии) применима к другим отраслевым видам юридической ответственности в сфере государственно-властного регулирования. Так, понятию «преступление», которое входит в предмет уголовного права, в иных отраслях права могут соответствовать понятия «правонарушение», «проступок», «нарушение». В тоже время понятие «наказание» может трактоваться как «обязательство» или «обязанность» в значении нормативного требования по совершению правомерных действий.

Первый уровень, или одномерное восприятие понятия ответственности. Одномерное понимание ответственности у большинства исследователей и субъектов права традиционно ассоциируется с конкретным наказанием или санкцией. Однако существует несколько особенностей, связанных с толкованием понятия «наказание». Согласно ст. 43 УК РФ наказание определяется как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Вместе с тем понятие «ответственность» в нормативно-правовых актах зачастую употребляется в значении меры принудительного характера: «несут полную материальную ответственность», «ответственность в полном размере причиненного ущерба» (разд. 39 ТК РФ), «ограничение размера ответственности по обязательствам» (ст. 400 ГК РФ) и т.д. Таким образом, и в первом, и во втором случае речь идет о «мере» как о некоей постоянной величине, общем нормативно-определенном понятии, обозначающем собой свершившийся факт или конкретно-размерное законченное деяние с фиксированной величиной (срок заключения, размер штрафа, принудительные работы и т.п.).

В этом плане указанная одномерная модель совпадает с точкой зрения Н.С. Малеина, который полагал, что «наказание и есть юридическая ответственность» (Малеин 1992: 19).

Одновременно с этим понятие «наказание» может восприниматься и использоваться законодателем в значении действия (порядка, процесса, функции). Статьи гл. 11 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности») нормативно закрепляют действия, формирующие условия прекращения функционирования механизма правового регулирования, который определяет уголовную ответственность. Тогда как статьи гл. 12 УК РФ «Освобождение от наказания» говорят о наказании как о протекающем во времени действии – «отбывание наказания», «исполнение наказания». Ряд исследователей считает, что размежевание в названии указанных глав свидетельствует о том, что ответственность не является наказанием. На самом деле различие понятий «наказание» и «ответственность» заключается в том, что при изменении значения данных понятий неодинаково меняется их размерность (объем). Понятие «наказание» в понимании меры при переходе из некой постоянной величины в значение действия (процесса) становится величиной переменной, которая описывается некоторой функцией.

Слово *ответственность*, согласно С.И. Ожегову и Н.Ю. Шведовой, имеет два значения. В первом значении оно является производным от прилагательного *ответственный*, то есть «несущий ответственность». Во втором обозначает «необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках» (Ожегов, Шведова 1999: 468). Исходя из первого значения можно заключить, что ответственность носит деривационный характер, следовательно, выступает производным либо произведенным параметром поведения. Слово *производный* указывает на то, что параметр возникает от действия или вследствие функции некоего процесса, в нашем случае – процесса наказания. Слово *наказуемость*, будучи производным от прилагательного *наказуемый*, с нашей точки зрения, определяет соразмерность (равенство) между словами *ответственность* и *наказание*.

Таким образом, анализируя понятие ответственности на первом (одномерном) уровне абстракции, что соответствует рассмотрению в узком (упрощенном, тривиальном) смысле, можно сделать вывод, что понятие ответственности тождественно понятию наказания, так как оба воспринимаются в качестве меры (мера = ответственность = наказание). Рассматривая ответственность в более широком смысле и подразумевая под понятием наказания функцию соответствующего действия, а под понятием ответственности – функциональную характеристику такого действия (наказания), получаем, что понятию ответственности должно соответствовать понятие наказуемости.

Второй уровень, или двухмерное восприятие понятия ответственности. В двухмерном (бинарном) варианте определение ответственности представляет собой систему, построенную на взаимосвязи между двумя понятиями – «наказание» и «преступление». Понятие преступления, как и понятие наказания, может иметь не только смысловое значение фиксированного факта или деяния, то есть постоянной величины (согласно ст. 14 УК РФ преступлением считается «виновно совершенное общественно опасное деяние»), но и обозначать действие, которое восходит к глаголам *преступить, переступить*, то есть перешагивать через установленный законом запрет. Процесс выхода за границы правового поля, осуществление неправомерного поведения рассматривается в виде переменной величины, которая выступает в качестве аргумента соответствующей функции.

Рассмотрим возможные сочетания значений понятий «преступление» и «наказание» и их взаимодействие.

1. В первом случае соотношение между постоянными величинами наказания и преступления представляет собой уголовную ответственность как элементарную линейную зависимость в виде коэффициента пропорциональности $uo = n/p$, где uo – уголовная ответственность, n – наказание, p – преступление¹. Произведение p и n графически будет определять поле взаимодействия, а координаты каждой точки на линии юридической ответственности – значение наказания и преступления (рис. 2). При этом законом установлено, что каждому преступлению соответствует определенное наказание, что формулируется отдельной правовой нормой, правилом или нормой-принципом².

¹ Это сравнимо с определением средней скорости, которая имеет две меры – пройденное расстояние и время, за которое указанное расстояние преодолено, а значение скорости – это отношение между расстоянием и временем.

² Количество сочетаний элементов следует отнести к понятию нечеткого множества, где каждый элемент имеет функцию принадлежности. Теория нечетких множеств и нечеткой логики была разработана профессором университета Беркли (Калифорния, США) Л. Заде в 60-х гг. XX в. Применяется в моделировании принятия решений, математических моделях, отражающих нечеткий характер взаимодействия различных субъектов в экономике и праве. Для упрощения моделирования мы представим, что количество сочетаний элементов представляет собой множество, выстроенное в произвольном порядке или очередности, но имеющее функцию принадлежности как к исполнению наказания, так и совершению преступления.

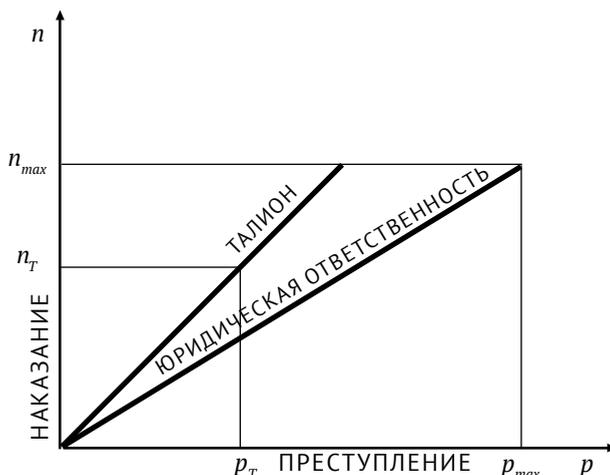

Рис. 2. Соотношение между постоянными величинами наказания и преступления: n_T – мера наказания по принципу талиона; p_T – преступление в координатах принципа талиона; n_{max} – максимальное наказание; p_{max} – максимальная категория преступления (по характеру и степени общественной опасности)

Примечателен вариант, когда коэффициент пропорциональности равен единице, то есть наказание и преступление имеют равные величины. В этом случае мы сталкиваемся с тем, что ответственность соответствует одному из древнейших принципов социальной справедливости, известному из истории государства и права как принцип талиона (*лат.* *tālio*, от *talis* – такой же), которым определялось, что мера наказания по своей силе должна быть равна совершенному преступлению ($n_T = p_T$). Принцип талиона находит свое отражение во многих исторических источниках. Одна из наиболее полных версий принципа талиона гласит: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх., 21:23-25). В русском праве идея талиона еще сохранялась в значительном объеме в Соборном уложении 1649 г.: «...отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколует... самому ему то же учинити» (гл. XXII, ст. 10)¹.

2. Во втором случае предположим, что преступление выступает в роли постоянной величины, а наказание будет иметь значение действия, тогда уголовная ответственность будет определяться как производная от функции наказания конкретного преступления и описываться формулой $uo = n'(p)$. Данное определение ответственности соответствует понятию «наказуемость преступления». Оно аналогично таким встречающимся в юридической литературе определениям ответственности, как «воздаяние (возмездие), кара за совершенное преступление», «неотвратимость наказания»,

¹ URL: http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_22.php

«реализация санкций», «обязанность правонарушителя нести наказание за совершенное деяние» и т.п.

3. Следующим вариантом сочетания компонентов модели ответственности будет выступать взаимная зависимость между преступлением-действием и наказанием-фактом. В этом случае уголовная ответственность будет определяться как производная от функции преступления закона и описываться формулой $uo = p'(n)$. Данное понимание ответственности соответствует формализованному понятию «преступность наказания». Оно схоже с такими встречающимися в юридической литературе определениями, как «негативная отрицательная реакция государства», «ответная мера (реакция) на совершенное правонарушение», «необходимость претерпевать предусмотренные нормами права неблагоприятные последствия», «применение мер государственного принуждения», «принудительно исполнять определенные законом требования», «исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения» и т.п. Преступность наказания устанавливает правомочие государства на осуществление наказания путем вынужденного ответного нанесения ущерба или вреда, ущемления прав и свобод лица, совершившего преступление.

4. Заключительный вариант объединяет все предыдущие. Он представляет собой сочетание компонентов абстрактной двухмерной (бинарной) модели ответственности и выступает результатом взаимодействия между действиями по преступлению закона и по наложению наказания. В общем виде принцип уголовной ответственности будет определяться производной произведения двух функций:

$$uo = (p \times n)' = n'(p) \vee p'(n),$$

где \vee – символ слабой дизъюнкции в значении «или».

Представленные выше выводы позволяют в самом широком смысле сформулировать определение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность – это правовая норма-принцип, являющаяся функциональной характеристикой взаимосвязи между преступлением закона и наложением наказания, условиями возникновения которой следует считать совокупность процессуально установленных принципов наказуемости преступления и (или) преступности наказания.

Принцип наказуемости преступления (принцип возмездия, или неотвратимости наказания) заключается в том, что если совершено преступление закона (*преступление* в значении действия – нарушения правил, выхода за рамки дозволенного, перешагивания через запрет – *преступить закон*), то за него положено соответствующее наказание.

Принцип преступности наказания (принцип деликтности наказания) говорит, что если осуществляется наказание за совершенное правонарушение или виновное деяние, то его действие, которое ущемляет права и свободы лица, совершившего преступление, наносит правовой урон его личным, имущественным и иным интересам.

Следует отметить, что при определенных допущениях заключительная формула может трансформироваться и рассматриваться как один из предыдущих вариантов. Отдельное существование принципа наказуемости преступления или принципа преступности наказания выступает частным случаем принципа уголовной ответственности.

Анализ функциональной зависимости между преступлением и наказанием показывает, что ответственность может описываться различными формулами реализации, то есть не только прямой линией, характеризуемой коэффициентом пропорциональности между наказанием и преступлением. Форма (траектория) линии ответственности зависит от регулирующей и охранительной функции права в государстве, а также связана с проводимой в стране политикой, предполагающей достижение определенных целей и решение тех или иных задач. Вместе с тем следует учесть, что при определении величины наказания в ходе следствия и судебного разбирательства могут учитываться отягчающие или смягчающие обстоятельства совершения преступления, в таком случае юридическая ответственность выступает как некий диапазон соответствия возможных мер наказания совершенноному преступлению (рис. 3).

Графически юридическая ответственность будет представлять уже не точку на линии (см. рис. 2), а некую область вероятного осуществления возмездия, по форме напоминающую листок, где вертикальное сечение в произвольной точке p_2 на оси преступления (правонарушения, нарушения) укажет на диапазон наложения возможного наказания (обязательства) ($n_{min} - n_{max}$). Горизонтальная линия, проходящая через произвольную точку n_1 на оси наказания, определяет диапазон преступлений, к которым может быть отнесено избранное наказание ($p_{11} - p_{12}$). Участки вне области действия

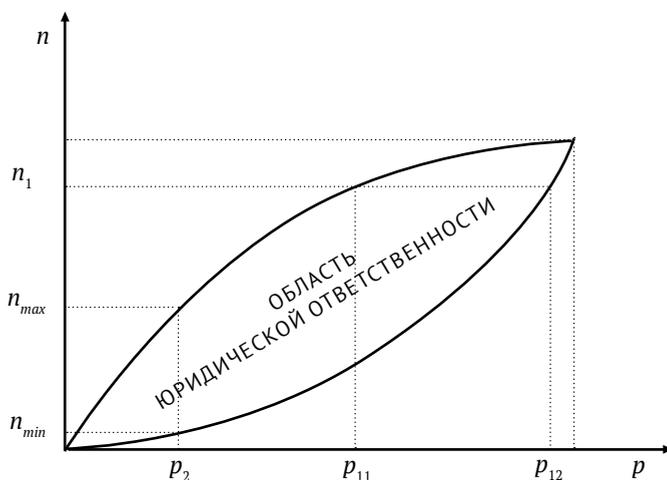

Рис. 3. Функциональная зависимость между наказанием и преступлением:
 n_{min} – минимальное наказание; n_{max} – максимальное наказание; n_1 и p_2 – произвольные точки; p_{11} и p_{12} – проекция точек диапазона категорий преступлений

юридической ответственности следует отнести к случаям низкой вероятности (или недопустимости) назначения либо более строгого наказания за совершенное правонарушение, чем это предусмотрено законом, либо менее строгого наказания за более значимый противоправный проступок.

Предлагаемое нами универсальное определение объединяет большинство имеющихся в литературе трактовок юридической ответственности, которые основаны на императивном методе правового регулирования общественных отношений, не допускающем отклонений от предписанной законом модели поведения.

Вне данного нами определения остались точки зрения исследователей, которые полагают, что юридическая ответственность – это обязанность давать отчет о своих действиях; возлагаемое на кого-либо взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-либо своих действиях и т.п.

Юридическая ответственность и обязанность. По нашему мнению, юридическая ответственность и обязанность являются разными социально-правовыми явлениями. Обязанность описывает управленческую функцию урегулирования интересов сторон правоотношений путем установления контроля и отчетности.

Мы считаем неправомерным употребление слова *обязанность* как тождественного слову *ответственность*. На наш взгляд, следует употреблять слово *обязательность* в значении безусловности, непременности применения мер наказания к лицу, которое совершило виновное противоправное деяние (за каждое преступление законом обязательно должно быть предусмотрено наказание). Применительно к частноправовым отношениям вместо слова *наказуемость* целесообразно использовать слово *обязательственность* для обозначения возможности возникновения обязательства, при котором «одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие» (ст. 307 ГК РФ).

Обязанность – это характеристика императивно возложенного на субъект права требования совершения определенных правомерных действий в рамках существующего правового поля дозволений и обязываний. Тогда как юридическая ответственность – это установленная законом функциональная характеристика взаимодействия государства и субъекта права, которая возникает в случае совершения последним нарушения установленного запрета либо выхода за границы установленной модели поведения. Указанные понятия основаны на различных методах правового регулирования, и, как следствие, при их объединении в общее понятие «юридическая ответственность» возникают внутренне противоречивые, громоздкие определения. К тому же юридическая ответственность сориентирована на действия (отношения), совершенные вне правового поля, а социально-правовое явление, характеризующееся обязанностью, долгом, – на действия внутри правового поля, которые имеют законодательное урегулирование, но не представляют общественной опасности, чтобы определяться как деликтный проступок. Вариантом разрешения указанных противоречий, на наш взгляд, может служить деление ответственности на деликтную и договорную либо императивную и диспозитивную (Богданов 2013; Кол-

паков 2020). Как правило, такое деление используется при определении гражданско-правовой ответственности.

Указанное различие важно учитывать и при определении ответственности в рамках иного отраслевого законодательства. Несоблюдение отраслевого законодательства может квалифицироваться как правонарушение, а при достаточной общественной опасности – как преступление в той или иной сфере. Так, исследователь финансового права Д.Л. Комягин приходит к выводу, что «*ответственность за нарушения бюджетного законодательства и бюджетная ответственность* представляют собой разные категории» (Комягин 2014: 99). А.А. Кондрашев, говоря о тенденциях развития конституционной ответственности, отмечает, что «уникальность оснований конституционной ответственности, в отличие от иных видов юридической ответственности, заключается в том числе и в том, что противоправными действиями, влекущими применение конституционных санкций, признаются деяния, зачастую не имеющие правовой легализации в актах конституционного законодательства» (Кондрашев 2018: 191).

Разрешение указанных проблем видится, по нашему убеждению, во введении в юридический оборот отдельного самостоятельного термина, определяющего смысловое содержание договорной диспозитивной ответственности. Целесообразность этого подтверждается наличием в зарубежной литературе по меньшей мере двух различных дефиниций понятия «ответственность». Английские слова *responsibility* и *liability* в ряде англо-русских словарей трактуются как синонимы и переводятся на русский язык как *ответственность*. Между тем истолкование «Британской энциклопедией» слова *responsibility*¹ близко к пониманию негативной (ретроспективной) юридической ответственности, тогда как слово *liability*² «Британская энциклопедия» в первую очередь определяет как долг или обязательство, которое вытекает из договоров, соглашений и других актов правового характера.

Заключение. Предлагаемый методологический подход к истолкованию юридической ответственности позволяет математизировать и визуализировать исследования по формализации правового понятия, что в условиях массовой цифровизации, масштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий, развития и создания искусственного интеллекта является достаточно перспективным и востребованным научным направлением. Феномен цифровизации права, который большинством воспринимается как переход от бумажной формы законодательства к электронной, ставит перед правовой наукой проблему трансформации теоретического знания. Во многом решение указанной проблемы видится в компьютерном моделировании не только нормативных правовых актов и процессуальных правил их реализации, но и отдельных понятий.

¹ URL: <https://britannica.com/topic/responsibility.html>

² URL: <https://britannica.com/topic/liability-law.html>

В первую очередь это относится к категории понятий с деривационным характером, которые в силу традиционного представления чаще всего воспринимаются как имеющие одну меру измерения (одномерные). При этом производные понятия по своей природе являются полисемичными и могут иметь несколько уровней восприятия, что вызывает многочисленные дискуссии о сущности и месте таких понятий в правовой науке.

Понятие юридической ответственности в силу своего многомерного характера в зависимости от уровня абстрагирования имеет несколько значений.

На первом уровне юридическая ответственность характеризуется через фиксированное понятие *меры*, тем самым приравнивая себя к наказанию (санкциям, обязательствам и т.п.) за нарушение требований договорных условий и нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения. В этом случае юридическая ответственность определяется одной мерой – наказанием, при этом других единиц измерения не существует или они не берутся во внимание. Однако вместе с этим оправданно употребление слова *наказуемость* в качестве ключевого при определении юридической ответственности.

На втором (бинарном) уровне юридическая ответственность имеет две меры, две единицы измерения – наказание и преступление – и заключается в отношении между ними. В самом общем виде юридическая ответственность выступает функциональной характеристикой взаимодействия между преступлением и наказанием. С учетом их производного характера возникает несколько комбинаций, которые в комплексе отражают смысловое содержание большинства существующих эмпирических определений юридической ответственности в теории права. Совокупность этих комбинаций можно условно подразделить на две группы, определяемые как принцип наказуемости преступления и принцип преступности наказания.

Истолкование на основе понятия мерности восприятия объекта и взаимодействия как одной из основных философских категорий апробировано автором на таких правовых понятиях, как «недвижимость» (Терещенко 2020), «собственность» (Терещенко 2019) и «эффективность» (Терещенко 2018), которые на сегодняшний день не имеют окончательного закрепления на законодательном уровне. Полученные результаты исследований указывают на отдельные недостатки и пробелы в понимании действующих нормативных положений и обогащают существующие теоретические представления о данных понятиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 2008. Общая теория права. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Велби : Проспект. 565 с.

Аль-Ани Н.М. 2014. Ответственность и ее классическая и неклассическая парадигмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 7-1. С. 182-187.

Богданов Д.Е. 2013. Императивная ответственность в договорных отношениях с позиций справедливости // Законодательство и экономика. № 3. С. 27-35.

- Венгеров А.Б. 2013. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. 9-е изд., стер. Москва : Омега-Л. 607 с.
- Витрук Н.В. 2020. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М. 432 с.
- Горшенев В.М. 1972. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. Москва : Юрид. лит. 258 с.
- Ильин И.А. 1957. Путь к очевидности. Мюнхен : Типография Обитатели преп. Иова Почаевского в Мюнхен-Оберменцинге. 155 с.
- Калугина Л.В. 2011. Юридическая ответственность. Понятие и сущность // Вестник Академии. Московская академия предпринимательства. № 1. С. 136-138.
- Колпаков Д.О. 2020. К вопросу о договорной ответственности в общетеоретическом ракурсе исследования // Правовая политика и правовая жизнь. № 4. С. 205-212.
- Комягин Д.Л. 2014. Бюджетная ответственность // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 98-107.
- Кондрашев А.А. 2018. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. № 10 (95). С. 184-193. DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195.
- Кузьмин И.А. 2013. О двуедином (объективном и субъективном) воплощении юридической ответственности // Академический юридический журнал. № 1 (51). С. 52-57.
- Кузьмин И.А. 2015. Проблемы реализации юридической ответственности : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. юрид. ин-та. 167 с.
- Куликов Е.А. 2016. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы). Барнаул : Новый формат. 308 с.
- Кутафин О.Е. 2001. Предмет конституционного права. Москва : Юристъ. 444 с. (Institutiones).
- Лазарев В.В. (ред.) 2001. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев и др.; под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ. 520 с.
- Лобанов С.А. 2015. Понятие юридической ответственности: дискуссионные вопросы // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. № 2 (6). С. 59-73.
- Малеин Н.С. 1992. Юридическая ответственность и справедливость. Москва : Изд-во Ин-та государства и права РАН. 204 с.
- Марченко М.Н. 2011. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права : учебник. Москва : Зерцало-М. 336 с.
- Матузов Н.И., Малько А.В. 2004. Теория государства и права : учебник. Москва : Юристъ. 246 с.
- Мацкевич И.М. 2019. Интеллектология права. Предварительные итоги математического моделирования закона // Мониторинг правоприменения. № 1 (30). С. 4-15. DOI 10.21681/2226-0692-2019-1.
- Мелехин А.В. 2007. Теория государства и права : учебник. Москва : Маркет ДС корпорейшн. 634 с. (Университет. серия).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1999. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник. 944 с.
- Репетева О.Е. 2010. К вопросу о понятии юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. № 1 (61). С. 147-151.
- Сорокин В.В. 2021. Психологические аспекты права. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та. 352 с.
- Сpirкин А.Г. 1971. Взаимодействие // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва : Совет. энцикл. Т. 5. Стб. 7-9.

- Степнова Ю.П. 2019. К вопросу о понятии юридической ответственности // Теория государства и права. № 4 (16). С. 173-183. DOI 10.25839/MATGIP.2019.16.4.021
- Терещенко Д.С. 2018. О новых подходах к определению эффективности государственных закупок // Финансовое право. № 9. С. 21-24.
- Терещенко Д.С. 2019. К вопросу о толковании и происхождении понятий «ответственность» и «право собственности» // Философия права. № 2. С. 112-118.
- Терещенко Д.С. 2020. Недвижимость объекта гражданских правоотношений по Гражданскому кодексу Российской Федерации (опыт теоретического исследования) // Журнал правовых и экономических исследований. № 2. С. 82-92. DOI 10.26163/GIEF.2020.76.44.012
- Черногор Н.Н. 2006. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. № 5 (113). С. 105-109.
- Ячменев Ю.В. 2012. Юридическая ответственность. Понятие виды и особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (54). С. 66-74.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 15.06.2021).
- Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12125268/> (дата обращения: 15.06.2021).
- Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 15.06.2021).

References

- Al-Ani N.M. Responsibility and its classical and non-classical paradigms, *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, no. 7-1, pp. 182-187. (in Russ.).
- Alekseev S.S. *General theory of law*, 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Velbi, Prospekt, 2008, 565 p. (in Russ.).
- Bogdanov D.E. Imperative responsibility in contractual relations from the standpoint of justice, *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2013, no. 3, pp. 27-35. (in Russ.).
- Chernogor N.N. On the theoretical problems of legal responsibility, *Journal of Russian Law*, 2006, no. 5 (113), pp. 105-109. (in Russ.).
- Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Criminal Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10108000/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Gorshenev V.M. *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1972, 258 p. (in Russ.).
- Ilyin I.A. *The path to evidence*, Munich, Tipografiya Obiteli prepodobnogo Iova Pochaevskogo v Myunkhen-Obermentsinge, 1957, 155 p. (in Russ.).
- Kalugina L.V. Legal responsibility. Concept and essence, *Academy Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 136-138. (in Russ.).
- Kolpakov D.O. To the Question of Contractual Responsibility in the General Theoretical Perspective of the Study, *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 4, pp. 205-212. (in Russ.).
- Komyagin D.L. Budget responsibility, *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2014, no. 4, pp. 98-107. (in Russ.).
- Kondrashev A.A. Institute of Constitutional and Legal Responsibility in the Subject of Constitutional Law: Correlation Issues, *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10 (95), pp. 184-193. DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195. (in Russ.).
- Kulikov E.A. *Theory of Legal Liability (Problem's Questions)*, Barnaul, Novyy format, 2016, 308 p. (in Russ.).

- Kutafin O.E. *The subject of constitutional law*, Moscow, Yurist", 2001, 444 p. (in Russ.).
- Kuzmin I.A. On Two-Uniform (Objective and Subjective) Embodiments of Legal Responsibility, *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2013, no. 1 (51), pp. 52-57. (in Russ.).
- Kuzmin I.A. *Problems Of Realization Of Legal Responsibility*, Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo yuridicheskogo institute, 2015, 167 p. (in Russ.).
- Labor Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/12125268/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Lazarev V.V. (ed.) *General theory of law and State : textbook*, 3rd ed., rev. and augm., Moscow, Yurist", 2001, 520 p. (in Russ.).
- Lobanov S.A. The Concept of Legal Liability: Discussion Questions, *Vyzovy global'nogo mira. Vestnik IMTP*, 2015, no. 2 (6), pp. 59-73. (in Russ.).
- Malein N.S. *Legal responsibility and justice*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN, 1992, 204 p. (in Russ.).
- Marchenko M.N. *Theory of State and law. Pt. 2. Theory of law : textbook*, Moscow, Zertsalo-M, 2011, 336 p. (in Russ.).
- Matskevich I.M. Intellectology of Law. Preliminary Results of Mathematical Modelling of Law, *Monitoring pravoprimereniya*, 2019, no. 1 (30), pp. 4-15. DOI 10.21681/2226-0692-2019-1. (in Russ.).
- Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of state and law : textbook*, Moscow, Yurist", 2004, 246 s. (in Russ.).
- Melekhin A.V. *Theory of State and law : textbook*, Moscow, Market DS korporeyshn, 2007, 634 p. (in Russ.).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions*, 4th ed., augm., Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p. (in Russ.).
- Repeteva O.E. To a Question About the Concept of Juridical Responsibility, *Law and State: The Theory and Practice*, 2010, no. 1 (61), pp. 147-151. (in Russ.).
- Sorokin V.V. *Psychological aspects of law*, Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2021, 352 p. (in Russ.).
- Spirkin A.G. Interaction, *A.M. Prokhorov (gen. ed.) Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, 3rd ed., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1971, vol. 5, col. 7-9. (in Russ.).
- Stepnova Ju.P. To the Question of the Concept of Legal Responsibility, *Theory of State and Law*, 2019, no. 4 (16), pp. 173-183. DOI 10.25839/MATGIP.2019.16.4.021. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. On New Approaches to Determination of the State Procurement Efficiency, *Financial Law*, 2018, no. 9, pp. 21-24. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. Real Estate (Immovables) in the Context of Characterizing an Object of Civil Law Relation Under the Civil Code of the Russian Federation (Theoretical Research), *Journal of Legal and Economic Studies*, 2020, no. 2, pp. 82-92. DOI 10.26163/GIEF.2020.76.44.012. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. To the question of the interpretation and origin of the concept "property" and "property right", *Philosophy of Law*, 2019, no. 2, pp. 112-118. (in Russ.).
- Vengerov A.B. *Theory of state and law : textbook for law schools*, 9th ed., ster., Moscow, Omega-L, 2013, 607 p. (in Russ.).
- Vitruk N.V. *General theory of legal responsibility*, 2nd ed., amend. and augm., Moscow, Norma, INFRA-M, 2020, 432 p. (in Russ.).
- Yachmenev Yu.V. Legal Liability: Concept, Types and Characteristics, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 2012, no. 2 (54), pp. 66-74. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Семёнович Терещенко

подполковник налоговой милиции (в запасе), советник налоговой и таможенной службы 3 ранга (г. Луганск), магистр юриспруденции, независимый исследователь, г. Москва, Россия;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1322-7971>;

SPIN-код: 3660-8596;

E-mail: terdisem@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Tereshchenko

Lieutenant Colonel of the tax police (in reserve), Adviser to the Tax and Customs Service of the 3rd rank (Lugansk), Master of Law, Independent Researcher, Moscow, Russia;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1322-7971>;

SPIN-код: 3660-8596;

E-mail: terdisem@mail.ru